

УДК 371

ПРАВИЛА ЖИТИЯ В МИРЕ

Николай Васильевич Гоголь

Николай Васильевич Гоголь являлся автором журнала «Народное образование». Вопросы воспитания и организации школ всегда были важны для великого писателя, чья воспитательная доктрина строилась на формировании истинной религиозности.

• нравственность • вера • воспитание • правила жизни

Начало, корень и утверждение всему есть любовь к Богу, но у нас это начало в конце, и мы всё, что ни есть в мире, любим больше, нежели Бога. Любить Бога следует так, чтобы все другое, кроме Него, считать второстепенным и не главным, чтобы законы Его были выше для нас всех постановлений человеческих, Его советы выше всех советов, чтобы огорчить Его, считать гораздо важнейшим, чем огорчить какого-нибудь человека. Любить Бога — значит любить Его в несколько раз более, чем отца, мать, детей, жену, мужа, брата и друга; а мы даже и так Его не любим, как любим их. Кто любит Бога, тот уже

гораздо более любит и отца, и мать, и детей, и брата, чем тот, кто привязывается к ним более, чем к Самому Богу. Любовь последнего есть один оптический обман, плотская чувственная любовь, одно страстное обаяние. Такая любовь не может поступать разумно, потому что очи её слепы. Любовь же есть свет, а не мрак. В любви заключается Бог, а не дух тьмы: где свет, там и спокойствие, где тьма, там и возмущение. И потому любовь, происшедшая от Бога, тверда и вносит твёрдость в наш характер и самих нас делает твёрдыми; а любовь не от Бога шатка и мятежна и самих нас делает

шатками, боязливими и нетвердыми. И потому прямо от Божьей любви должна происходить всякая другая любовь на земле.

Любовь земная, происшед от Божией, становится чрез то возвышенней и обширней, ибо она велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим: она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его теле, но и о душе, скорбеть на него не за то, что он наносит нам неприятности, но за то, что он сим поступком наносит несчастье душе своей. Ибо грех его лежит и на нас: мы должны были его поучить, наставить, образовать, воспитать. Но как мы можем это сделать, будучи сами слабы и немощны? Путём и дорогою Божественной любви всё возможно; без неё всё трудно. Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя.

Как же воспитать себя? Воспитанье должно происходить в беспрестанном размышлении о своём долге, в чтении тех книг, где изображается человек в подобном нам состоянии, круге, обществе и звании, и среди таких же обстоятельств, — и потом в беспрестанном применении и сличении всего этого с законом Христа: в чём они не противуречат Христу, то принимать, в чём не соответствуют его закону, то отвергать; ибо всё, что не от Бога, то не есть истинно. Что же найдём сомнительным и не знаем, как решить, то до времени следует отложить и никак не смущаться им: это признак, что мы ещё не готовы и что глаза наши получают ясное познание вещей после, по мере нашего усовершенствования. От споров, как от огня, следует остерегаться, как бы ни сильно нам противуречили, какое бы неправое мнение нам ни излагали, не следует никак раздражаться, ни доказывать напротив; но лучше замолчать и, удалясь к себе, взвесить всё сказанное и обсудить его хладнокровно. Но и обсудивши не говорить, если чувствуем, что не можем сказать так, чтобы оно именно было доступно тому человеку, с кото-

рым говорим, или же если чувствуем, что не можем сказать хладнокровно и безгневно. Истина, сказанная в гневе, раздражает, а не преклоняет. Итак, воспитать другого и подать ему душевную истинную помощь мы можем тогда, когда достигли сами до высочайшего незлобия, когда никакие оскорбления не могут оскорбить нас. Тогда и разум наш получает свет и может наблюдать поступки других; видеть их прегрешения и научать нас, как избавляться от них. Тогда и Бог помогает нам на всяком шагу, внушая действительные средства противу всего. На сем основана и жизнь: учиться самому и научать других, и самому вознестись и другого вознести к Богу.

Во всех наших начинаниях и поступках больше всего мы должны остерегаться одного наисильнейшего врага нашего. Враг этот — уныние. Уныние есть истое искушение духа тьмы, которым нападает он на нас, зная, как трудно с ним бороться человеку. Уныние противно Богу. Оно есть следствие недостатка любви нашей к Нему. Уныние рождает отчаяние, которое есть душевное убийство, страшнейшее всех злодеяний, совершаемых человеком, ибо отрывает все пути к спасению, и потому пуце всех грехов оно ненавидимо Богом. От того и в молитвах просится ежедневно, дабы дал нам Бог сердце трезвящееся, бодр ум, мысль светлу и отгнал бы от нас дух уныния.

Иногда душевные беспокойства и смущения, схожие с унынием, бывают Божиими пощениями, насылаемыми на нас для того, чтобы испробовать и испытать, укрепились ли мы в характере; иногда же просто для того, чтобы, ища средств спастись от такого беспокойства и уныния, придумали сделать что-нибудь такое, чего бы никак не придумали прежде. Ибо Бог всячески старается нас вразумить и требует, чтобы мы употребили какое-нибудь усилие для узнания Его воли. И потому

многие, воспитавшие себя среди волнений, советуют в такие минуты обратить взгляд на всю прежнюю жизнь нашу и стараться припомнить всё то, что мы пропустили сделать или откладывали к другому времени, а припомнив, заняться уже не вседневными и обыкновенными делами нашими, а теми именно, которые мы пропустили сделать, и заниматься ими прилежно во все время, пока продолжается уныние и смущение. И заняться ими вовсе не так, как бы мы их сами себе задали, но так, как бы они наложены были Богом, а не другим кем, исполняя их, подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеление своего подвигоположника и господина.

Земная жизнь наша не может быть и на минуту покойна, это мы должны помнить всегда. Тревоги следуют одни за другими; сегодня одни, завтра другие. Мы призваны в мир на битву, а не на праздник: праздновать победу мы будем на том свете. Здесь мы должны мужественно, не упавая духом сражаться, дабы получить больше наград, больше повышений, исполняя всё как законный долг наш с разумным спокойствием, осматриваясь всякой раз вокруг себя и сверяя всё с законом Христа Господа нашего. Нечего нам помышлять о робости или бегстве с поля: на всяком шагу предстоит нам подвиг христианского мужества, всякой подвиг доставляет нам новую ступень к достижению Небесного Царствия. Чем больше опасности, тем сильнее следует собрать силы и возносить сильней молитву к Богу. Находящийся среди битвы, не теряй сего ни на час из виду; готовящийся к битве, приготовляй себя к тому заранее, дабы трезво, бодрственно и весело потечь по дороге! Смелей! Ибо в конце дороги Бог и вечное блаженство! Но, как безумные, беспечные и недалёкозоркие, мы не глядим на конец дороги, оттого не получаем ни бодрости, ни сил для путешествия по ней. Мы видим одни только препятствия, не замечая, что они-то суть наши ступени восхождения. А чаще всего мы все видим иначе: пригорок нам кажется горою, малость — великим делом, призрак — действительностью, все преувеличивается в глазах наших и пугает нас. Потому что мы глаза держим вниз и не хотим поднять их вверх. Ибо если бы подняли их на несколько

минут вверх, то увидели бы свыше всего только Бога и свет, от Него исходящий, освещающий всё в настоящем виде, и посмеялись бы тогда сами слепоте своей. Всякое дело и начинание да сопровождаем всегда душевной внутренней молитвой, не такой молитвой, какую мы привыкли повторять ежедневно, не входя во смысл слова, но такой молитвой, которая бы излетела от всех сил нашей души и после которой, благословясь и перекрестясь, могли бы вдруг приняться за самое дело.

Никто да не приходит от того в уныние, если Бог не исполняет тот же час вслед за молитвою нашего желания и если даяние не вдруг снисходит на прошение; но, напротив, тогда-то бодрей и веселей духом да молимся и действуем! Тогда-то именно да возрастает сильней наша надежда. Ибо Бог, руководясь великим смыслом, даёт иному в конце то, что другому в начале. Но блажен и в несколько раз блаженней тот, которому назначено вкушать за долгие и большие труды то, что другому за меньшие: душа его больше будет приготовлена, больше достойна и может более обнять и вместить в себе блаженства, чем душа другого. «Претерпевый до конца спасётся», — сказал Спаситель — и сим уже открыл нам всю тайну жизни, на которую не хотим мы даже взглянуть очами, не только проразуметь.

Не омрачаться, но стараться светлеть душой должны мы непрерывно. Бог есть свет, а потому и мы должны стремиться к свету. Бог есть верховное веселие, а потому и мы должны быть также светлы и веселы. Веселы именно тогда, когда всё воздвигается противу нас, чтобы нас смутить и опечалить. Иначе и заслуги нет никакой: нетрудно быть веселу, когда вокруг нас всё весело; тогда всякой умеет веселиться: и не просвещённый верою, и не имеющий никакой твёрдости человек,

и не христианин, и язычник тогда умеют быть спокойными и веселиться. Но достоинство христианина в том, чтобы и в печали быть беспечальну духом. Иначе где ж и отличие его от язычника.

Всё да управляется у нас любовью к Богу. Да носится она вечно, как маяк пред мысленными нашими глазами! Блажен, кто начал свои подвиги прямо с любви к Богу. Он быстрее всех других полетит по пути своему и легко победит всё то, что другому кажется непреодолимым и невозможным. Весь мир тогда предстанет пред ним в ином и в истинном виде: к миру он привяжется потому только, что Бог поместил его среди мира и повелел привязаться к нему; но и в мире возлюбит он только то, что есть в нём образ и подобие Божие.

И земной любви он поклонится не так, как грубый человек поклоняется образу, считая образ за Самого Бога, но так, как поклоняется образу просвещённый верою человек, считающий его за одно бледное художественное произведение, поставленное только для напоминания, что нужно возноситься к Тому, Чьего образа невозможно увидеть нашими бренными глазами. Равным образом и на всякую земную любовь нашу, как бы чиста и прекрасна она ни была, мы должны взирать как на одни видимые и недостаточные знаки бесконечной любви Божией. Это только одни искры, одни края той великолепной ризы, в которую облеклась безмерная и безграничная любовь Божия, которую ничто не вместит, как ничто не может вместить Самого Бога. **НО**

The Rules Of Living In The World

Nikolai V. Gogol

Abstract: Nikolai Vasilyevich Gogol was the author of the journal "Public Education". The issues of education and organization of schools have always been important for the great writer, whose educational doctrine was based on the formation of true religiosity.

Keywords: morality, faith, upbringing, rules of life